

УДК 821.112.2.06

ПИСАТЕЛЬ И НАСТОЯЩЕЕ, ВЕЧНОЕ И МЕНЯЮЩЕЕСЯ

© 2012 Д.А. Чугунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 декабря 2011 года

Аннотация: В статье рассматривается трансформация тем и образов в рамках творчества одного автора. Выделяются перемены в произведениях классиков немецкой словесности, обусловленные объединением ФРГ и ГДР.

Ключевые слова: К. Вольф, З. Ленц, объединение Германии, борьба идеологий.

Abstract: The paper considers the transformation of themes and images in the work of one author. Highlighted changes in the works of classical German literature, due to the union of West Germany and the GDR.

Key words: Chr. Wolf, S. Lenz, union of West Germany and the GDR, the struggle of ideologies.

В истории мировой литературы есть не-малое количество примеров, когда литературное произведение оказывается настолько плотно связанным со своим временем, что по прошествии определённого количества лет его восприятие невольно искажается. Из целостного образа выпадают когда-то важные, а теперь уже не вполне понятные без специальных комментариев детали. Пафос, присущий произведению, теряется (полностью или частично). Меняется место произведения в общем корпусе авторских творений. Из центрального, знакового оно превращается в то, которое, возможно, и оценивается ещё достаточно высоко, однако не вызывает особенного восторга. Такова судьба, например, нашумевшей поэмы Г. Гейне «Германия». Выдержав сразу же после рождения не один десяток изданий не только в Европе, но и в Америке, в последующем она померкла в читательском восприятии, уступив место таким «вечным» стихотворным циклам, как «Книга песен» или «Романсеро». Это представляется закономерным, потому что мало кого в наши дни волнуют проблемы отношений Пруссии с другими немецкими государствами, Таможенного союза как инструмента защиты германского рынка от английских товаров и тому подобные. Всё это осталось в далёкой истории.

В этом отношении любопытны диалогиспоры двух персонажей О. Бальзака из романа «Утраченные иллюзии». Один из них, Люсьен Шардон, устремлён к тому, чтобы пером своим волновать души и сердца своих современников. Другой, Даниэль д'Артез, выбирает не поклонение мгновенной славе, а долгую, негромкую

работу над произведением, память о котором останется в будущем.

По-своему Бальзак предвосхитил проблему, перед которой оказались многие в XX веке. Стремительность столетия обусловила важные вопросы: способен ли писатель так же стремительно меняться, как мир вокруг него? Способен ли он при этом сохранять верность своим принципам и в то же время замечать новое? Проиллюстрируем это на примере периода после 1945 года в немецкой литературе.

Вполне естественно, что какая-либо тема, однажды прозвучавшая в «дебютном» произведении автора, затем длительное время не уходит из его творческого мира, получая всё новые и новые вариации. Осмысление и «преодоление» прошлого, трагическое разделение Германии на два государства, формирование «общества потребления» как оборотная сторона немецкого «экономического чуда» — эти моменты постоянно открываются нам у классиков послевоенной словесности. Вспомним однажды сделанное замечание Гюнтера Грасса, касающееся писателей его поколения: «Всякий раз нас снова настигало прошлое» [4, 329].

Ситуация переменялась в 1990-е годы. Объединение ФРГ и ГДР вызвало стремительную трансформацию множества привычных идей и представлений, касающихся как общественной жизни, так и литературного процесса. Например, феномен «прошлого» неожиданно расширился, вобрав в себя и жизнь в Восточной Германии до начала судьбоносных событий (1949-1989). И если ранее К. Вольф выходила к публике с рассказом о своём детстве в нацистской Германии — «Образы детства» (1976), то теперь стали появляться многочисленные истории о «детстве

в ГДР», принадлежащие перу авторов так называемого поколения «Zonenkinder» – А. Кубичека, Я. Хензель, Ю. Шох, Я. Хайна, Т. Бруссига и др. Если раньше тема ответственности немцев за преступления прошлого трактовалась вполне единообразно, то уже в 1995 году Б. Шлинк устами одного из персонажей спросил: «Что делать нам, новому поколению, с ужасными фактами?.. Нам нельзя претендовать на понимание того, чего нельзя понять, нельзя пытаться с чем-то сравнивать то, что не поддается никаким сравнениям, нельзя задавать лишних вопросов, потому что спрашивающий, даже если он не подвергает пережитые ужасы сомнению, заставляет говорить о них вместо того, чтобы, содрогнувшись перед ними, оцепенеть в стыде, сознании своей вины и в немоте. Стало быть, мы должны цепенеть в стыде, сознании вины и немоте? До каких пор?» [6, 112]. Шлинк разделит ощущения прошлого и настоящего. В его произведении отчетливо проявилось новое понимание проблемы национал-социалистского периода истории Германии: современные молодые люди его изучают, искренне пытаются разобраться в хитросплетениях минувшего, извлечь необходимые уроки, но при этом они безусловно отделяют свою жизнь от тех событий. Риторически-скандальный вопрос «до каких пор немцы должны будут посыпать головы пеплом?» публично задал и в своей нашумевшей речи 1998 года М. Вальзер [См.: 12, 45-47]. То же мы находим и у Грасса. В главе «1993» эпохальной книги «Моё столетие» (1999) один из персонажей вдруг громко заявляет: «Мы, немцы – а сейчас я говорю с вами от лица всей Германии – вполне нормальный народ, как, скажем, французы, англичане да и янки тоже» [3, 289]. Можно спорить о том, насколько слова персонажа соответствуют авторской позиции, но тем не менее они не затушевывают факт двух точек зрения на германское настоящее. И более того, в 2002 году вышла в свет повесть Г. Грасса «Траектория краба», по мнению критиков, в известной мере символизировавшая преодоление немецкой литературой комплекса вины и синдрома самобичевания, переход от размышлений о единичных (пусть даже и самых страшных) катастрофах человеческой истории к осмыслению магистральных принципов и вневременных уроков человеческого поведения.

Тесную внутреннюю связь между трансформацией идей эпохи и свя-занной с нею трансформацией устойчивых прежде мотивов и образов легко проследить на примере творчества таких всемирно известных писателей, как Зигфрид Ленц и Криста Вольф.

В 1968 году З. Ленц опубликовал свой знаменитый роман «Урок немецкого», произведение, пронизанное символикой на всех уровнях.

Изобразив трагический раскол между высокой культурой Германии и повседневной практикой существования её жителей, Ленц задал не сразу бросающийся в глаза, однако очень важный вопрос о «радости исполненного долга». Не подвергая сомнению собственно принцип должностования, писатель показал, как привычка подчиняться входила в плоть и кровь людей, вытесняя умение думать самостоятельно. Отсюда – правильное по форме исполнение долга, которое по сути превращало человека в раба, а затем и в невольного палача, во вдохновенного соучастника творившихся преступлений. Не случайно писатель обращает внимание на такую деталь: ругбюльский полицейский, преследующий художника-экспрессиониста Нансена, является его старинным знакомым. Он отбрасывает в сторону простое человеческое рассуждение о невиновности того, кого знает с незапамятных времён, руководствуясь лишь приказами и инструкциями «сверху». Полицейского не в чем упрекнуть, он следует закону, однако парадоксальным образом его действия вызывают лишь отвращение. Ещё Софокл в «Антигоне» изобразил конфликт, при котором государственная правда сталкивается с правдой божественной и человеческой, здесь же – полицейский, ревностно исполняя «долг», собственными руками и, в отличие от Креонта, без душевных терзаний отдаёт даже не племянницу, но сыновей во власть безжалостного «закона». Привычка повиноваться сделала из него жертву, однако неумение думать превратило его в палача.

«Урок немецкого» стал едва ли не самым известным произведением Ленца – включённым в школьную программу, входящим в различные хрестоматии для юношества. Подобная оценка справедлива, ибо невозможно преуменьшить значение описанного «урока» для немецкого самосознания. Однако вне всякого внимания литературоведов осталось продолжение этой темы, осуществлённое писателем в романе «Сопrotивление» («Die Auflehnung», 1994).

Однако прежде необходимо сказать несколько слов о творчестве Ленца после объединения Германии. Если ранее, по замечанию Д. Борхмайера, писатель всегда вращал «тяжёлые жернова мельницы германской истории» (Borchmeyer 1999), то в 1990-е годы военная тема (тема прошлого) у него практически полностью исчезает. В этом обстоятельстве словно бы видится подтверждение тезиса Э. Нольте, ещё во время «спора историков» в конце восьмидесятых заявившего: «Нет смысла говорить о том, что немцы извлекут уроки из истории – это уже свершившийся факт» [11, 20].

Роман «Сопrotивление» построен на широко развёрнутой метафоре – в его центре оказывается история двух братьев, оказавшихся в катастрофи-

ческой для себя ситуации, однако не складывающих покорно рук, «сопротивляющихся» ударам судьбы. Главный герой, Вилли Виттманн, будучи замечательным, всемирно известным дегустатором чая, внезапно теряет свое вкусовое обоняние. К тому же рушится его многолетняя семейная жизнь, из-за окончательного расхождения во взглядах Вилли уходит от жены и приезжает в дом своего детства, где живёт его брат. Там он узнаёт, что Франк Виттманн, продолжающий семейное дело – разведение рыбы, стоит на пороге разорения – из-за хищных птиц. Неразрешимость проблемы заключается в том, что бакланы, облюбовавшие пруды рыбозаводчика в качестве кормушки, занесены в Красную книгу и их запрещено отстреливать. Можно лишь ждать, пока они съедят всю рыбу и сами улетят в другие места.

Эти проблемные ситуации – не единственные в романе Ленца. «Сопротивление» по своей стилистике вообще выпадает из характерного ряда романов конца XX века, более напоминая романы И.С. Тургенева («Дым») или Б. Ауэрбаха («Дача на Рейне»). Действие занимает здесь не главное место, основное внимание устремлено к внутренним переживаниям персонажей, их размышлениям, диалогам, идейным исканиям. Однако главное отличие авторского решения 1994 года от прежнего в том, что писатель рисует образ, тип совершенно иного человека. Новый герой Ленца менее трагичен, чем ранее, менее жертвенен, в нём открывается неведомый ранее внутренний стержень. Изломанность души Зиги из «Урока немецкого» обуславливает непростой, но закономерный вопрос: что ждёт его в будущем? Как сложится его дальнейшая жизнь после случившихся потерь и разочарований? Напротив, внезапный крах всего привычного существования Вилли и Франка Виттманнов не превращает их в «разрушенные» фигуры. Ни один из братьев не начинает играть по «пра-вилам», преподносимым со стороны. Да и остальные персонажи далеки от пассивного пессимизма. Коринна, старая знакомая Вилли, однажды открыто заявит, что человек вправе делать попытки к своему обновлению бесконечно [10, 283].

В романе «Сопротивление» Ленц снова моделирует знакомую по «Уроку немецкого» ситуацию: «полицейский преследует героя». В 27 й главе в поместье Виттманнов внезапно появляется служитель закона Хеннинг Холмсен, расследующий убийство одного из бакланов, чья тушка была обнаружена с огнестрельным ранением. Будучи однокашником (!) Франка, он обыкновенно звонил перед своими визитами в поместье, всегда дружески пил кофе с хозяевами, в этот же раз он суров и даёт понять, что исполняет свой служебный долг (!). И когда позднее Франк, не получив

лицензии на отстрел хищных птиц, начнёт браконьерскую ночную охоту на них, полицейский не остановится даже перед тщательным обыском (!), стремясь найти оружие и доказать вину подозреваемого им хозяина рыбных прудов. Его действия окажутся столь настойчивы, что Франк даже подумает, будто Холмсен мстит ему за что-то личное (глава 47).

Как мы помним, в романе 1968 года Ленц показал нам страшного человека – добровольного винтика системы. Его ругбюльский полицейский всегда и во всём исполнял свой «долг» до конца. Через четверть века писатель нарисует совершенно иной образ. Холмсену удаётся поймать Франка Виттманна с поличным. Однако «урок», о котором шла речь ранее, не прошёл даром для немецкого общества. «Полицейский» в 1994 году не только исполняет свой долг, но и остаётся человеком. Он способен не только нести службу, но и принимать самостоятельные решения. В его сознании рядом с Законом становится Справедливость, которые, как понимает Холмсен, могут не совпадать. И тогда полицейский совершает поступок, подтверждающий усвоенный послевоенным поколением «урок»: он всего лишь конфискует карабин, не привлекая самого Франка Виттманна к ответственности (глава 58). Ведь тот – не настоящий браконьер, Виттманн лишь защищает свой мир от разорения.

Не только полицейский, но и «преследуемые» герои ведут себя по-другому, нежели ранее. Они активно «сопротивляются» несправедливости в жизни. В последней главе романа Франк испытывает настоящее потрясение. И у него, и его сына «связаны» руки после прощения со стороны Холмсена, однако на вахту по защите рыбных прудов неожиданно встаёт... Вилли Виттманн. Бывший дегустатор чая одалживает у знакомого двустволку и бродит с нею по округе как сторож [10, 367]. А если есть защитник, значит – есть надежда...

Неслучайность такого «сопротивления» и таких вынесенных из немецкой истории «уроков» человечности подтверждается обращением и к другому позднему роману Ленца «Бюро находок» (2003). Его персонажи также деятельно поднимаются на защиту справедливости, совершая свой внутренний выбор. Это не всегда просто для них, но это происходит. Германия, вступающая в XXI век, способна на многое, как показывает писатель. Способна на понимание ценности «иного» культурного начала. Способна на защиту человека «иной» национальности. Способна «находить», принимать что-то новое для себя.

Размышление об «уроках», о немецком пути в XX веке, о «личности» связывает воедино и два произведения Кристи Вольф – «Размышления

о Кристе Т.» (1968) и «На собственной шкуре» (2002). Любопытно, что вышли в свет они, как видим, почти с таким же временным интервалом, что и названные нами романы Ленца.

Несмотря на то, что повесть называется «Размышления о Кристе Т.», в ней фактически две героини. Одна из них — Криста Т., девушка, не похожая на окружающих, боящаяся быть стандартной, обезличенной. Вторая — рассказчица, вспоминающая историю такой несправедливо короткой жизни Кристины. Взглядывая на свою знакомую со стороны, она невольно задаётся вопросом о жизни всего их поколения. Она вспоминает о воодушевлении, охватившем тех, кто строил новый мир, о мечтах, устремлённых в будущее. Криста выпадала из общего ряда. И рассказчица не вполне понимала её. Когда Криста говорила о том, что в первую очередь хотела бы стать не «учительницей, аспиранткой, кандидатом наук, редактором», а «человеком», рассказчица удивлялась: «Кем ты хочешь стать, Кришан? Человеком? Ну, знаешь...» [2, 47]. Ведь само собой подразумевалось, что «рай» будущего построят лучшие люди, «самые чистые, это не подлежало сомнению» [2, 56]. И сомнения своей знакомой рассказчица объясняла очень просто (в духе того времени, требующего решительности, целеустремлённости, готовности идти вперёд даже в «деревянных башмаках»): всё из-за того, что не похожая на других девушка всего лишь «не доверяла себе» [2, 47].

1990-е годы оказались для Кристины Вольф очень сложным периодом жизни, временем переоценки многих событий прошлого. В то время, как на её глазах начинала рушиться как государство Восточная Германия, она продолжала мечтать: «Представь себе: социализм — и никто не бежит прочь!» [13, 13]. Вместе с Фолькером Брауном, Стефаном Геймом и другими она подписала призыв «За нашу страну» («Für unser Land», 28 ноября 1989 года), в котором содержались требования реформ внутри самой ГДР вместо её ожидаемого присоединения к ФРГ. Очень красочно изобразил её пламенное выступление революционной осенью 1989 года на берлинской Александерплац Томас Бруссиг в романе «Герои, как мы» [8, 285].

Однако вкрадывалось в сознание интеллектуалов ГДР и иное ощущение. Героиня Моника Марон в «Письмах Павла» (1999) лишь при крахе ГДР задумалась, за то ли государство она боролась. Могут ли теперь он и его поколение рассуждать о прошлом, задавал вопрос Фолькер Браун в речи по поводу вручения ему Бюхнеровской премии. Кристоф Хайн уже в 1990 году с горечью признавал: «Так называемый реально существовавший социализм, в сопоставлении с представлениями, с масштабами мифа о социализме, был лишь кари-

атурой, преступлением и обманом» [9, 27]. Здесь же следует обратить внимание на вынужденное признание самой Кристины Вольф, сделанное в том же 1990 году: длительная работа интеллектуальной элиты, к которой принадлежала и она сама, увы, не смогла придать жителям Восточной Германии необходимой внутренней, духовной независимости. Именно по этой причине на глазах исчезают шансы «на новое начало», и всё чаще писательнице приходят на ум грустные ассоциации из текстов Гёльдерлина, Бюхнера, Тухольского [13, 19]...

В то же время Криста Вольф не слагала с себя ответственности за происходящее: «Жалобы и самосожаление я принимаю за ошибку, уместнее вопрос: сложим ли мы с себя ответственность или станем работать на будущее...»

И я спрашиваю себя: чем окажется история этих сорока лет, которые не были фантомом, но оставили после себя фантомную боль? Кто ещё захочет представить публично скорбь, стыд, раскаяние многих людей, о которых я узнаю из их писем, из взгляда их глаз, которые нахожу в себе самой, если все озабочены улучшением материальных условий?...» [13, 21].

Всё это хорошо объясняет, почему в творчестве К. Вольф снова реализуется уже известная нам модель повествования. Криста Т. умерла, оставаясь для других живой в воспоминаниях, и в 2002 году писательница снова обращается к ситуации пограничья между жизнью и смертью. Пограничье — как момент искренности, трудного познания истины. При этом (и из приведённых выше свидетельств понятно почему) она изменяет ракурс повествования. Вместо разговора о третьем лице перед нами — исповедь, монолог от первого лица.

Героиня повести «На собственной шкуре» попадает в больницу, где в тяжёлом состоянии ожидает лекарства, которое должно спасти её, но которое срочно требуется привезти из-за границы. В повести нет динамично развивающегося сюжета — внимание сосредоточено на внутреннем мире безымянной героини. Балансируя между жизнью и смертью, она размышляет не только о личном, но и о непростых взаимоотношениях между ФРГ и ГДР, заложницей которых она может оказаться. Борьба за собственную жизнь, нежелание поддаваться смертельной болезни проецируются в её сознании на упорную борьбу за построение общества социальной справедливости в ГДР. Однако почему именно в её обществе нет нужного лекарства?.. Почему в её обществе нет многих важных для личности вещей?..

Трагизм её размышлений о «республике рабочих и крестьян» с необыкновенной силой прорывается в беседе, состоявшейся между безымянной героиней и её знакомым, навестившим её в клинике.

«Помолчав, она сказала: Ты ведь понимаешь, что это значит, когда можно выбирать только между ложными альтернативами.

Он понимал. И посоветовал ей наконец оставить надежду на невыполнимое, а тем самым и бесплодное сопротивление, которое, по всей видимости, основывалось на иллюзии, что она еще способна что-то изменить. Это ребячество.

Новый Мефистофель, сказала она. Искушение не бессмертием, а бездействием. По-твоему, стало быть, всё пропало.

Да, по крайней мере, в эту эпоху. Она не годилась для нашего эксперимента. И мы тоже не годились, особенно мы» [1, 70].

Последняя фраза приведённой цитаты особенно характерна, так как демонстрирует личный трагизм отношения к недавнему прошлому. В повести 1968 года рассказчица сомневалась в другом человеке, в 2002 году – уже в самой себе...

Произведения З. Ленца и К. Вольф, как представляется на первый взгляд, не похожи друг на друга ни тематикой, ни сюжетом, ни стилистикой повествования. Тем не менее есть одно обстоятельство, позволяющее поставить их рядом: «Урок немецкого», «Размышления о Кристе Т.» создавались в эпоху доминирования т. н. «больших величин» (государства, партии...), «Сопротивление», «На собственной шкуре», напротив, во время, когда в общественном сознании отдельная «личность» вновь стала возвращать себе права.

И рассмотренные в подобном типологическом сопоставлении, в развитии заложенных в них идей и представлений, они открывают возможность для более широкого исследования, для прослеживания далеко не всегда явной и оттого интересной зависимости художественного образа от эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вольф К. На своей шкуре / К. Вольф // Иностранная лит. – 2003. – № 9. – С. 5-70.
2. Вольф К. Размышления о Кристе Т. / К. Вольф. – М.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
3. Грасс Г. Моё столетие / Г. Грасс. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 336 с.
4. Грасс Г. Продолжение следует... [Нобелевская речь] / Г. Грасс // Моё столетие / Г. Грасс. – М., 2001. – С. 320-333.
5. Ленц З. Урок немецкого. Запах мирабелы / З. Ленц. – М.: Терра, 1998. – 544 с.
6. Шлинк Б. Чтец / Б. Шлинк. – М.: АСТ, 2004. – 251 с.
7. Borchmeyer D. Wind in den Knoten / D. Borchmeyer // Die Zeit. – 1999. – № 42. – (http://www.zeit.de/1999/42/199942_1_lenz.html).
8. Brüssig Th. Helden wie wir / Th. Brüssig. – Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. – 325 S.
9. Hein Chr. Texte, Daten, Bilder / Chr. Hein. – Frankfurt a/M.: Luchterhand, 1990. – 200 S.
10. Lenz S. Die Auflehnung / S. Lenz. – München: DTV, 2001. – 368 S.
11. Nolte E. Forever in the shadow of Hitler? / E. Nolte. – New Jersey: Humanities Press, 1993. – 282 p.
12. Walsler M. Ansprachen aus Anlaß der Verleihung / M. Walsler // Friedenspreis des Deutschen Buchhandels 1998. – Frankfurt am M., 1998. – 67 S.
13. Wolf Chr. Auf dem Weg nach Tabou: Texte 1990-1994 / Chr. Wolf. – München: DTV, 1999. – 354 S.

*Чугунов Д. А.
Воронежский государственный университет.
Профессор кафедры зарубежной литературы.
E-mail: dr-chuginov@yandex.ru*

*Chuginov D. A.
Voronezh State University
Professor of the department of foreign literature*